

Леонид Скалковский

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

Стихи разных лет

ЗАЩИТИМ ДЕТСТВО

Во дворике детсада
играют малыши,
ручью и солнцу рады
от детской всей души.
Сугроб почти растаял,
но все звенит ручей
и гонит, гонит стаи
бумажных кораблей...

Я шел и видел это,
и все просилось в стих.

Кораблик из газеты
проплыл у ног моих.
Меж детских разрисовок,
во всю его длину,
пришелся заголовок:
«Мир победит войну!»

Хотелось мне взглянуться
на много лет вперед:
то – светлый образ детства
в большую жизнь плывет...

Да, я поклясться вправе,
что к нашим берегам
войну не переправить
заморским господам,

что флот стальной,
из пушек
стреляющий в детей,
слабей простых игрушек –
бумажных кораблей!

РАЗГОВОР С СЫНОМ

Неразлучный с голубем бумажным,
сын держался за руку отца,
и вопросам чрезвычайно важным
в это утро не было конца.
– Почему, – спросил он, – на парадах
за войсками следует народ?
Папа, почему такой порядок?
Папа, а нельзя ль наоборот?
...Что ответить?
Строгими рядами
шли бойцы, а вслед – людской поток
с песнями,
с портретами,
с цветами...

Как ответить?
– Ты пойми, сынок:
мы хотим для радости трудиться,
жить спокойно, зная наперед,
что любимой Родины границы
армия надежно бережет!

ХЛЕБ И ПЕСНЯ

Хлеба нет...

Бомбы падают с воем...

Небывалые холода...

Как помочь

осажденным героям

это выдержать?

И тогда

сквозь кольцо орудийного гула,

смерть голодную и бои,

прилетела к ним песня Джамбула:

«Ленинградцы, дети мои!»

Прилетела та песня с востока

и, блокаде наперекор,

принесла им

на крыльях широких

казахстанских степей

простор...

В те, легендой ставшие были

для рабочего и бойца

одинаково нужными были

пайка хлеба

и клич певца.

О ДОЛГЕ И ПОДВИГЕ

Когда солдатский долг

велит в бою,

что можно сделать

самое большое?

Устав подскажет:

жизнь отдать свою.

И, коль случится,

то погибнуть стоя.

А на войне погибнуть –

вроде чхнуть.

Совсем не сложно

и совсем не долго.

А до победы –

ох, как тяжек путь...

Тут нужен подвиг –

продолженье долга.

Тут мало за Отчизну лечь костями
под высотой,

где жаром боя пышет.

Тут надо,

надо,

надо, черт возьми,

взять высоту!

И непременно – выжить.

Вот так ответить

захотелось мне,

услышав как-то

голосок надменный:

«Что из того,

что были на войне?

Там выполняли вы

свой долг священный».

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

«Вы знали, что уже не за горами

конец войны

(к Берлину подошли),

так вот ответьте –

это между нами –

в бою себя вы больше берегли?»

Такой вопрос,

конечно, не был праздным.

Подскажет опыт,

память вороша:

каким бы ни владеть

оружьем разным,

всего верней –

солдатская душа.

Ведь крепость духа умножает шансы,

событий ход победно торопя...

Они добавили: «Американцы,

как нам известно, берегли себя».

А я: «Не надо обладать наитьем,

чтоб догадаться:

не за счет ли нас?

Иначе не тянули бы с открытием

Второго фронта

в самый трудный час».

Беседуем.

Бывает же такое!

Как разные концы в одном узле,
мы встретились на бывшем поле боя,
на памятной приодерской земле.
Они не воевали.

Не успели.

Теперь полковники... Профессора.
Сюда их привели какие цели?
Наука побеждать, как жизнь, стара.
«Да, мы за мир...
Но если вновь случится,
что замахнется кто-то из громил,
войны минувшей опыт пригодится,
чтоб отстоять с оружием этот мир».
Шел разговор прямой и откровенный.
Вот карта местности.

И мы вокруг.

В немецкой академии военной
умеют факт ценить из первых рук.
Не думал я тогда, собой рискуя,
что мне придется через много лет
за всю, как было, схватку боевую
держать экзамен, свой иметь ответ.
Чем крах «блицкрига»

объяснить пытались?

Тем, что наш воин —

вроде как медведь.

Цена, мол, нашей стойкости —
отсталость:

нам все равно,

что жить, что умереть.

Зато потом они молили бога,
смертельным окруженные кольцом:
вдруг натиск мы

ослабим хоть немного —

в конце войны себя побережем?

Берлин... На нем сошлись ориентиры.

И, отдавая боевой приказ,

в глаза заглядывали командиры,

от лишних жертв оберегали нас.

Не рисковали так, как было раньше.

А мы вперед рвались

и только в бой.

Дошли бы мы, наверно, до Ла-Манша,

когда бы не открылся

фронт Второй...

В далеком доме старый репродуктор
не выключали.

Ночью, без огня,
не отходили от него,

как будто

среди сводок с фронта

скажут про меня.

Мол, так и так,

ваш сын ушел в разведку

за «языком»...

Пока известий нет...

Да не волнуйтесь —

он везуч на редкость.

Спокойной ночи,

вам вставать чуть свет...

Солдат Матросов...

Подвиг помнят люди.

Он только крылья расправлял в полет,

когда вот так... на амбразуру грудью...

И захлебнулся вражий пулемет.

Не камикадзе, бьющие по цели,

И не наемники с чужой земли —

все двадцать миллионов жить хотели

и потому за жизнь на подвиг шли.

У молодых напрасно беспокойство,

что в наши хиросимовые дни

нет места вере, личному героизму...

В борьбе за мир нужны как раз они!

Дано и нам

мгновенно, без вопросов,

чтобы спасти, быть может,

род людской,

как амбразуру некогда Матросов,

смертельный луч загородить собой.

Мир отстоять — все силы надо выжать.

Сейчас за вечность отвечает миг.

Главней вопроса нет:

как вместе выжить?

Жизнь береги, но не за счет других...

Прощаемся.

Шучу: «Для подкрепленья

вам конница Пегасов не нужна?»

А по земле торопится цветенье.

Который раз на Одере весна.

Не молкнет труд.
Сады благоухают.
Следы от пуль,
как оспа, на стене,
Их, говорят,
не зря оберегают:
пусть даже камни
помнят о войне.

* * *

Стоял взволнованный...
А мимо
бойцы привычным строем шли,
и с каждым шагом ощутимо
подрагивала твердь земли.
Бойцы шагали плотным строем:
пилотка — штык, пилотка — штык...
И пыль ложилась белым слоем
на плечи и на воротник.
Я сам измерил путь солдата —
бессмертьем вымощенный путь;
и мне хотелось, как когда-то,
ремень потуже затянуть.
Бойцы прошли своей дорогой
в сияньи молодого дня,
и в том строю, литом и строгом,
всегда есть место для меня!

НА ПОСЛЕДНЕЙ...

Сколько было войн — не знаю, —
только верится, что мне
довелось в том светлом мае
на последней быть войне.
Повторяю: на последней...
Ведь известно:

у войны
должен быть и дух победный,
и живые быть должны...
Если ж рухнет вся планета
в ядерную кутерьму,
то войной считать ли это?
Кто докажет?.. И кому?

* * *

Народы не хотят войны.
Довольно воевать друг с другом!
Сегодня сядем тесным кругом
за круглый стол —
мы все равны.

Да и без круглого стола
в борьбе за прочный мир и счастье
мы примем равное участие —
Земля достаточно кругла!

